

Вдохновившись экранизацией романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», автором был создан тематический комплект столового текстиля с элементами декора для праздничного стола.

Скатерть была изготовлена из атласа жемчужного цвета, а раннер из чёрного креп-сатина с элементами декоративной машинной вышивки. Для декора подбирались золотистые и белые предметы. За счёт классических цветов комплект текстиля является универсальным, его можно будет использовать на другие различные мероприятия (Прил. 6, рис. 3).

Исследование показывает связь творца с «музами» вдохновения. То, как дизайнеры могут воплотить в жизнь задумки авторов других направлений. В доме атмосфера создается с помощью декора. Текстильное оформление – важный элемент дизайна и уюта, задаёт или поддерживает стиль, создаёт настроение. При помощи текстиля можно быстро обновить интерьер, сместить акценты. За счёт столовых элементов создаётся общий вид интерьера, оформление праздника становится подходящим тематике празднования и приобретает определённое настроение.

ЛЮБАНСКИЕ В ЛОШИЦЕ. ЯДВИГА LUBANSKIE IN LOSZYCA. JADVIGA

Н. М. НОВИКОВА
N. NOVIKOVA

Минск, Беларусь
Minsk, Belarus
e-mail: dedal39@mail.ru

Статья продолжает тему завершающего периода в биографии Лошицкой усадьбы и её владельцев накануне кардинальных политических и социальных перемен. Речь идёт о хозяйке имения и личной трагедии семьи в бурных событиях 1905 года.

Ключевые слова: Лошица; Любанские; Дорошевичи; Кеневичи; Ядвига; благотворительность; граф Мусин-Пушкин; катастрофы истории; семейная трагедия.

The article continues the theme of the final period in the biography of the Loshitsa estate and its owners on the eve of cardinal political and social

changes. We are talking about the mistress of the estate and the personal tragedy of the family in the turbulent events of 1905.

Keywords: Loshitsa; Lyubansky; Doroshevichi; Kenevichi; Jadwiga; charity; count Musin-Pushkin; catastrophes of history; a family tragedy.

Оцепенение, охватившее Беларусь после событий 1863–64 годов, к 80-м стало рассеиваться. Край, вставший на капиталистические рельсы, переживал хозяйственное развитие. Общественным идеалом стало обогащение, считалось, что каждая разбогатевшая личность укрепляет всю нацию. Общественная жизнь оживилась. Облик Минска, размещённого в центре белорусских земель, на перекрёстке железных дорог, начал меняться. Усилиями молодого энергичного графа Кароля Гуттен-Чапского, который в 1890 году по выбору минчан возглавил местное самоуправление, город вступил в период значительных реформ хозяйства и культуры, похорошел и стал быстро приобретать европейские черты. Для нового главы города, энергичного, амбициозного, исполненного инициативы, Минск стал полем увлекательной деятельности. При нём завершилось, наконец, строительство театра, и культурная жизнь заиграла новыми красками. Была укреплена набережная Свислочи, минчане получили обновлённую бойню, ломбард, новые магазины, электрическое освещение и телефонную связь, а по городским улицам побежала конка.

Минск, столица огромной губернии и крупный промышленно-торговый центр, переживал прирост площади и населения. В 1897 году число его жителей приближалось к 100 тысячам, а размеры по сравнению с серединой XIX века увеличились десятикратно. Город интенсивно застраивался и расширял границы, вбирая в себя прилегающие помещичьи земли, что было очень выгодно их владельцам, так как аренда городских участков приносила хороший доход. Весной 1899 года в городскую черту оказался включённым и значительный кусок лошадческих владений Евстафия Любанского размером 145 000 саженей, которые пополнили четвёртую полицейскую часть города; из них участок в 10 000 саженей стал площадкой для строительства крахмально-паточного завода.

Жители Минска и окрестные помещики составляли многонациональное и многоконфессиональное сообщество, которое вело активную общественную жизнь. На этой этнически не монолитной почве протекал процесс взаимопроникновения культур, традиций, языков

и обычаев. Учреждения, школы, суды и вывески были российские, но говорили все по-польски. Польско-белорусская шляхта в стремлении к культурному возрождению старалась противостоять российскому контролю и предпринимала разнообразные инициативы, защищая исторические и культурные традиции края. Возникали многочисленные товарищества – профессиональные, спортивные, благотворительные, культурно-просветительские. Кроме этого, Минск, по мнению исследователей, превращался в «очень интересный центр литературной жизни» [1, с. 12].

Супруги Любанские не оставались в стороне от этой деятельности. Евстафий, реализуя свою активность, кроме участия в работе Аграрного общества, состоял ещё в нескольких организациях, щедро жертвуя на общественные цели. В 1892 году в Минске было учреждено городское общество любителей спорта под председательством всё того же графа Кароля Чапского. А через четыре года, благодаря стараниям его членов, в Губернаторском саду, лежащем в долине Свислочи (ныне парк Горького), появился стадион с гимнастическим оборудованием, площадками для детских игр, тенниса, крокета, с катком и велотреком, где в том же году прошли первые соревнования по велоспорту, покоровшему сердца горожан. Велотрек стал самым популярным местом отдыха. Евстафий Любанский, большой поклонник и пропагандист этого модного увлечения, возглавил товарищество минских велосипедистов, и его усадебный парк в погожие летние дни превращался в арену для проведения велосипедных мероприятий, привлекавших многочисленных зрителей.

В разное время в Минске действовало несколько благотворительных организаций. Среди них старейшим и самым авторитетным было общество, созданное бискупом Якубом Игнатием Дедерко ещё в 1811 году и действовавшее почти без перерывов до 1920 года. За это время благотворительное общество приобрело богатые традиции, а его члены создали обширную филантропическую базу – два приюта для бездомных и сирот (святого Юзефа и святого Казимира) [1, с. 110], интернаты и учебные ремесленные мастерские. Во второй половине XIX столетия, когда началось бурное развитие промышленности и накопление капиталов, филантропическая деятельность состоятельных землевладельцев и богатых промышленников активизировалась. По инициативе градоначальника и благодаря его материальной поддержке в Минске были открыты бесплатная амбулатория

для бедных и родильный приют (1895 г.), больница для венерических больных (1898 г.) и Товарищество защиты женщин (1901 г.) [2, с. 194]. А в 1905 году Общество обзавелось ещё и собственным госпиталем [3, с. 14]. На содержание этих заведений черпали средства из частных пожертвований, членских взносов, субсидий городского самоуправления, доходов благотворительных базаров, лотерей, концертов и лекций, проходивших в городском театре. Деятельность Общества в те годы возглавлял Ежи Чапский, младший брат градоначальника.

Евстафий Любанский, восприимчивый к самой идее милосердия, обосновавшись в Лошицком имении и желая утвердиться в среде губернской аристократии, ещё холостяком активно включился в проблемы общественного призрения и в 1889 году стал постоянным членом совета Минского благотворительного общества [4, с. 96], используя опыт, приобретённый в Виленском губернском попечительстве детских приютов, с которым сотрудничал с 1884 года [5, с. 141]. При этом он не оставил работу в Виленском попечительстве, а когда женился, благотворение стало общей заботой супругов Любанских, и на протяжении многих лет они накопили на своём счету немало добрых дел. Подробными документальными сведениями об их вложениях в благотворительность мы не располагаем, тем не менее, известно, что помощь обездоленным Любанские понимали как свой религиозный и социальный долг и личную милостыню в богоугодное дело вносили ежедневно, обеспечивая минские богадельни молоком с лошицких ферм. Хозяйка Лошицы никогда не отказывала в помощи нуждающимся, в городских приютах её хорошо знали и почитали «пани Ядвигу» как благодетельницу. В 1902 году, кроме постоянного участия в работе Минского благотворительного общества, она становится почётной попечительницей бесплатного родильного приюта [6, с. 96], а в 1904 – одной из директрис дамского отделения тюремного комитета [7, с. 69].

К сожалению, семейный архив Любанских, копившийся и сберегавшийся ими и их предками издавна, когда все события фиксировались в дневниках, а писание писем было обязательной ежедневной работой, этот драгоценный для нас источник сведений, безвозвратно погиб в катастрофах истории. Поэтому так ценны воспоминания тех, кто был к ним близок, кто, так или иначе, имел отношение к их трагедии. Свидетельства Антония Кеневича, Янины Жултовской и Марии Чапской помогают представить личностные качества и особенности

супругов Любанских, представить, как складывалась их жизнь, ощутить во всей остроте и напряжённости драму, которая разыгралась в Лошице. При этом мемуаристы безоговорочно сходятся в одном: Ядвига Любанская никого не оставляла равнодушным. Нервическая, страстная натура, талантливая, притягательная, она не стремилась оставить памятку о своей жизни, но сумела себя увековечить, оставшись неразгаданной. По сей день её имя окружает немало сплетен и поверхностных суждений, порой предвзятых, а её нелепый трагический конец тревожит и вызывает сочувствие.

Ядвига – Ядвися, Ися (так называли её близкие) – была дочерью мозырского маршалка (предводителя дворянства) Геронима Кеневича, одного из наиболее состоятельных землевладельцев Мозырского повета. «Героним Кеневич, – вспоминает его внука Янина Жултовская, – патриот и демократ в шляхетском смысле, заботился об окрестных деревнях, никого не обижал, не замарался никакими спекуляциями, не любил излишеств и сурово осуждал жизнь не по средствам. Он был противником восстаний и ненужных юношеских смут, но, безусловно, субсидировал бы любое общественное дело, если бы какая-то акция или действие могли завязаться» [8, с. 35]. Пылкие поляки Кеневичи принадлежали к числу тех, кто лелеял надежду на избавление от российского владычества, и остро воспринимали долг служения отчизне. Они оставили заметный след во всех восстаниях XIX века, при этом своё родовое поместье Дорошевичи в то бурное и опасное время всё же сумели уберечь от секвестра.

Они «происходили из новогрудской татарской шляхты, крещеной только в середине XVIII века, но осевшей там, на аллодиальных землях великого князя Витовта, издавна» [8, с. 31]. В семье было семеро детей, вырастить удалось пятерых – двух сыновей и трёх дочерей. Братья и сёстры Кеневичи от природы были наделены и умом, и талантами, но физической красотой не блистали, были грузными и не имели ни спортивных, ни танцевальных способностей. Ися, младшая дочь, выделялась из общего круга. Окружающие отмечали её гладкую кожу, великолепные тёмно-русые волосы, прелестную улыбку, умные, выразительные глаза, грациозную фигурку и красивые руки (Прил. 7, рис. 1). К тому же она была наделена великолепным врождённым вкусом.

К воспитанию детей в семье Кеневичей относились очень серьёзно, стремясь вырастить достойных и полезных членов общества. Отец

поучал сыновей: «Бери пример с твоих родителей, люби Бога, родину, отчизну, вотчину, работай, сколько хватит сил...» [9, с. 66]. Сыновья после основательной домашней подготовки получили образование в гимназиях Риги и Петербурга, а завершили – в Варшавском университете. Для дочерей держали целый штат учительниц – полек, немок, француженок, которые преподавали девочкам разные предметы и отшлифовывали их произношение в разных языках. Наравне со старшими сёстрами к изучению языков допустили и младшую – Исю, другие уроки ей давали отдельно [9, с. 43].

Дети учились каждый день, кроме воскресенья и праздников, «регулярные занятия состояли из уроков, еды, прогулок и обязанности ложиться спать в девять» [8, с. 20]. В программу домашнего обучения входили чистописание, польский язык, арифметика, основы географии, истории, мифологии и естествознания, литература, для мальчиков ещё латынь. Основной предмет, которым занимались больше всего, – иностранные языки. Кроме этого, детей учили танцам, рисованию и музыке, эти умения были нужны для общего гармоничного развития личности и для светской жизни.

Общались в семье по-польски и по-французски; русский язык не играл никакой роли. Большое внимание уделялось формированию патриотических идеалов, нравственных и религиозных ценностей – патриотизм в Дорошевичах был очень силен. «Интеллектуальная культура Дорошевичей была самой существенной чертой этого дома, – вспоминает Янина Жултовская. – Я никогда не видела там ни одной русской газеты, зато постоянно приходили «*Kurjer Warszawski*» и «*Biblioteka Warszawska*». Книжный магазин Хесицкой дважды в год присылал все новые польские книги. Польскую историю читали больше, чем романы, а французские книги читали больше, чем польские, особенно статьи об искусстве и литературе. Бабушкины сундуки после возвращения из каждой поездки были полны подарков, особенно последних книг. В моём представлении дорошевичский двор был образцом достатка, веселья и гармоничного порядка мира» [8, с. 21, 62–64].

Культура из окружения просачивалась в подсознание детей как нечто, само собой разумеющееся. Домашние праздники с танцами, костюмированными представлениями, чтение стихов, рукоделие, рисование, разнообразные поделки, которые дети делали для своих родственников, – такой была счастливая среда, в которой росла Ися

в полной изоляции от всего российского. Но в возрасте двенадцати лет девочку, возможно, для обуздания излишне эмоционального характера, поместили в краковский монастырь урсулинок [9, с. 43], который среди учениц Польши, Галиции и России славился высоким уровнем образования, воспитания и духовности. В заведении сестёр-урсулинок её должны были приготовить к первой исповеди, и несколько лет Ися провела вдали от дома, среди чёрных монашеских платьев и платков, подчиняясь строгим монастырским правилам, в простоте и смирении проникаясь суровой неизбежностью бытия.

Одной из критических задач в жизни любой шляхетской семьи было выведение дочерей в свет и устройство их замужества. Пани маршалкова Кеневичева, дама светская, делала для этого всё, что должна была делать заботливая мать, а это означало расходы, и немалые. Для завершения образования дочерей она несколько зим провела с ними в Варшаве, где барышни слушали курсы высших наук у разных профессоров. Кроме того, мать считала необходимым ввести девочек в так называемый свет. Им следовало познакомиться с людьми и научиться вести себя в обществе. Для этого снималась просторная квартира с двумя большими гостиными, занимавшая целый этаж, где хозяйка принимала визитёров и устраивала танцевальные вечера [9, с. 46], так называемые журфиксы (журки).

Высшими точками в году были так называемые карнавалы – периоды балов и увеселений, на которые в Вильно и Варшаву собиралось многочисленное великолепное и весёлое общество. «Столько знакомых и родственников имели открытые дома, что во время зимнего карнавала два частных бала соперничали друг с другом в один вечер» [8, с. 11]. Так в Варшаве зимой 1886 года шестнадцатилетняя Ися познакомилась с Евстафием Любанским. Знакомство продолжилось. Следующую зиму Ися проводила в Дорошевичах, потому что уже закончила свои студии в Варшаве. В доме родителей на большом приёме, устроенном во время охоты на медведя, произошла очередная встреча с Любанским. Во время парадного обеда они сидели за столом рядом и оживлённо беседовали, а осенью 1890 года в Дорошевичах сыграли свадьбу, и Евстафий увёз молодую жену с Полесья в Лошицу [9, с. 77–78].

Ей было двадцать лет, ему тридцать один. Разница в возрасте существенная, но не чрезмерная, для счастья не помеха; только вот сердце Иси было не свободно. Но кто обращает внимание на такие пу-

стяки, когда речь идёт о соображениях первостепенной важности, то есть о большом богатстве. А Евстафий Любанский, помимо того, что он единственный из всех трех зятьёв Кеневичей был по-настоящему богат, обладал деятельным характером, что было залогом надёжного будущего. Со всех сторон это была отличная партия, и поскольку выбор мужа для дочери решали родители, ему ответили согласием. Кеневичи-старшие поженились по большой любви и только друг с другом чувствовали себя счастливыми, но счастье, ими достигнутое, в следующем поколении не повторилось. А судьба младшей дочери оказалась самой печальной. Ися была влюблена в другого, и это ни для кого не было секретом, в том числе для Евстафия. Их брак был заключен с безрассудной беззаботностью, а свадьба оставила у собравшихся впечатление печального и даже зловещего торжества. Впрочем, такая ситуация не была редкой, старшая сестра Иси, София, с подобной бедой справилась благополучно. Ядвига же сохранила обиду на родителей – «за то, что хотели от неё избавиться» [8, с. 34].

Отныне Исе предстояло обживаться в новых для неё условиях. Дорошевичи с их забавами, привязанностями и воспоминаниями, наполненными радостью, остались в прошлом. Впереди была жизнь с чужим, малознакомым человеком, который стал её мужем, но к которому она не испытывала никаких тёплых чувств. Оставалось надеяться на удачу и силу привычки.

Впрочем, связь с колыбелью юности не прерывалась. На все большие праздники и торжества приезжали Любанские в Дорошевичи, два-три раза в год Ися подолгу гостила у родителей, в любимом кругу родных и друзей, пользуясь их особым вниманием и уважением. Очень любила детей, неизрасходованные материнские чувства искали выхода. Своих племянниц, дочерей старших сестёр, которые были ею очарованы, баловала красивыми подарками; пользуясь случаем, одаривала чужих детей. А выбирать подарки она очень умела: заболевшего scarлатиной маленького сына своей подруги порадовала не чем-нибудь, а зелёным попугаем в золочёной клетке. Жаждала материнства, а детей всё не было. Жизнь заполнялась чтением, разучиванием новейших французских романсов, путешествиями, флиртом и нарядами [10, с. 207].

Наряды в дорошевичских обычаях играли очень важную роль. Хозяйка дома, общительная и весёлая пани маршалкова Кеневичева, до позднего возраста сохраняла большой запас оптимизма и любовь

к красивым платьям. Ися со временем выработала собственный стиль красоты и туалетов. Её манера одеваться отличалась тщательной элегантностью. «Она имела пристрастие к платьям из Вены, очень скромным, но шелестящим подкладками из переливающейся тафты, звенела лорнеткой на длинной цепочке, усеянной жемчужинами, и браслетами с брелоками. Её украшения, портсигар и духи носили отпечаток особенного, прихотливого вкуса» [8, с. 45]. «Пани Ися Любанская была для нас воплощением элегантности и особого обаяния, какой-то грации, не встречавшейся в нашей семье», – вспоминала историк, доктор философии Мария Чапская, племянница минского градоначальника [10, с. 207].

Не менее двух раз в год Ися приезжала в Варшаву на неделю или больше с целью обновления гардероба. В этих поездках Евстафий редко её сопровождал. По утрам она занималась покупками, примерками у портних или в крупнейшем доме мод *Boguslawia Herse*. Потом с братом Антонием, студентом Варшавского университета, они обедали в ресторане отеля «Европейский», после чего делали визиты, посещали театры. Ужинали также в ресторане. Ися пользовалась успехом у мужчин, они наперебой добивались её расположения, и это ей нравилось [9, с. 118]. Но за внешней ветреностью скрывалась глубокая натура, способная на сильные переживания. «Несчастливая в браке, – пишет Жултовская, – она играла кокетством и мучилась в погоне за большим чувством, жила, словно в лихорадке, играя со страстью. Семья знала это, но по неписаному соглашению постановила, что кокетство её было вполне невинным. Никто не понимал тогда, что её здоровье и нервы ухудшаются год от года» [8, с. 45].

Но при всей субличности Ися не была нежной фиалкой, пассивным украшением домашних интерьеров. Стараясь наполнить жизнь событиями, много путешествовала, осматривала музеи, знакомясь с сокровищами искусства и историческими памятниками, посещала модные курорты Ривьеры. Впрочем, все тогда перемешались с большой легкостью и совершали многочисленные поездки. Даже пожилым дамам, как утверждают люди сведущие, усталость была чужда, и независимо от времени года они бодро преодолевали дороги Германии и Италии.

И Кеневичи, и Любанские любили живопись и любили портретироваться. Бывая за границей, Кеневичи покупали живопись и другие произведения искусства, старались использовать не то что каждый

день, а каждый час, чтобы побольше увидеть и узнать. Обязательным было посещение музеев, культовых сооружений, осмотр достопримечательностей. В дорошевичском доме, вспоминает Жултовская, было много картин, привезённых из путешествий, портретов кисти Дамеля, Сестренцевича, Дзеконьской и других художников [8, с. 24]. Среди них не последнее место занимали работы Людомира Яновского, выпускника Виленской рисовальной школы и ученика Петербургской Академии художеств. Он был очень популярен в шляхетских дворах бывших Кресов, и женские портреты, выполненные им в реалистической манере, украшали стены многих домов и Полесья, и Минщины. Были они и в Лошице – Исю Яновский рисовал трижды. Её портреты не уцелели, лишь воспоминания Янины Жултовской сохранили описание этих работ.

Литературные пристрастия Ядвиги, сообщает Жултовская, были довольно революционными и прогрессивными. Увлёкшись искусством, она познакомила Дорошевичи сначала с модой на Тетмайера, а потом, привезя из Италии фотографии картин Гирландайо и Боттичелли, – со школой раннего Возрождения. Ум её был живым и практичным, а суждения столь убедительными, что создавали своего рода закон, при этом характер она имела непростой, резкий, мнениями света пренебрегала. Высоко ценила дружбу и, не будучи тщеславной, не заботилась о светских отношениях, предпочитала проводить время в узком кругу второстепенных почитателей. У неё не было ни тени снобизма [8, с. 45].

Любанский, обожавший жену, не отказывал ей ни в чём, старался выполнять все прихоти, оплачивал все фантазии. В Лошице часто устраивались приёмы, потому что Ися любила дружеское общение и большие собрания с танцами, на которых все мужчины наперебой старались добиться её расположения. Но в этой игре она, не любя мужа, испытывала больше разочарований, чем радости. Была кокетлива, общительна, выделялась независимостью нрава и пренебрежением к мнениям, курила, следуя новой европейской моде. «Её считали позёркой, порой она говорила вещи неприличные и циничные, но, – по мнению Я. Жултовской, – никто не понимал, что её искусственность была маской, которая скрывала настоящую драму» [8, с. 36]. Внешнюю сторону она сохраняла как броню.

Муж терпеливо и благодушно сносил её прихоти и причуды, на всё смотрел сквозь пальцы, в поездках сопровождал не часто и в сред-

ствах не ограничивал. Занимался хозяйством, расширением производства, благотворительностью, ежегодно посещал Карлсбад, семейные съезды, играл в карты, стараясь не проявлять особого беспокойства. Но отношения между супругами складывались непросто, случались размолвки и длительные разрывы. Две зимы Ися провела во Флоренции, где у неё было много друзей среди живших там поляков, и где она заразилась интересом к итальянскому искусству [8, с. 45]. Евстафий же, озабоченный хозяйственными и общественными обязанностями, много времени проводил на Виленщине, в родовом имении Любань. Однако семья не распадалась.

В то время излюбленным и широко распространённым развлечением шляхты были любительские спектакли и костюмированные представления, так называемые «живые картины», участники которых становились одновременно и актёрами, и зрителями. «Любительская сцена, – отмечает Т. Зенкевич [1, с. 74], – была стимулятором культурной жизни, активизировала общество, пробуждала потребности и привычку к участию в культуре». В Дорошевичах все торжества сопровождалось подобными забавами, организуемыми большой их любительницей – пани маршалковой. Ися с малолетства была непременной их участницей и такой способ развлечения завела в Лошице. Фотоснимок 1898 года, сделанный в Дорошевичах во время празднования дня рождения пани маршалковой, сохранил для нас облик хозяйки Лошицы в костюме гейши (Прил. 7, рис. 2).

В Лошице танцевали, устраивали большие обеды с «живыми картинами», разыгрываемыми на газоне перед парадным крыльцом и освещаемыми магnezией. Евстафий, сильный, высокий, широкоплечий брюнет с чёрными усами и смуглой кожей, сердечно принимал гостей, с большим оживлением руководил танцами. По всей Минщине славилась его приёмы, на которые, бывало, привозили телятину из Москвы, потому что местная, утверждал гурман Любанский, была несъедобной, так как телят, предназначенных на убой, не кормили яйцами. Кухней в Лошице руководил великолепный кухмистер по фамилии Бернаш, работавший с превеликой таинственностью, чтобы, Боже упаси, не обнаружить какого-нибудь глубокого секрета, придающего особый вкус или вид угощениям [9, с. 195].

В ту пору «большого богатства и социального великолепия», несмотря на обострение мирового кризиса, в Литве-Беларуси проявилось благополучие Европы. Демонстрацией высокого развития

сельского хозяйства и экономической силы местных землевладельцев стала юбилейная выставка, организованная по поводу 25-летней деятельности Минского сельскохозяйственного общества, которая состоялась в Минске на рубеже лета и осени 1901 года и произвела очень сильное впечатление. Петербургское еженедельное издание «Край» выпустило два специальных иллюстрированных приложения, посвящённых этому событию. Одно из них содержало общую характеристику Минщины и беседы с организаторами мероприятия, другое – отчёт о выставке.

На открытие съехалось множество гостей. Минск приветствовал рольников из всех уголков Беларуси и Литвы, из «Конгрессувки и даже Познаньского воеводства». Участники выставки представляли огромный район, «обнимающий Минскую и соседние с ней губернии: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Киевскую, Ковенскую, Могилёвскую, Смоленскую и Черниговскую» [11, с. 9].

Евстафий, будучи членом распорядительного комитета, принимал деятельное участие в работе «по привлечению на выставку ... всего выдающегося и имеющего какой-либо интерес, чтобы она могла представить полный обзор современного сельского хозяйства ... Северо-Западного края» [11, с. 11]. Участие в организации и проведении выставочных мероприятий принимало и его имение Лошица, ставшее плацдармом для «испытания экспонированных на выставке разного типа плугов и картофелекопателей» [11, с. 31].

Помимо демонстрации четвертьвековых достижений, стимуляции товарообмена и производства, выставка стала поводом для национальных манифестаций и развлечений, «явила изумленным москвичам, а также полякам благосостояние, которого никто не ожидал» [8, с. 106]. Социальная хроника широко освещала и комментировала встречи, посещения павильонов и приёмы. А после оценки экспонатов состоялось официальное опубликование присуждённых премий, вручение почётных отзывов и наград.

Лошицкие достижения не остались без внимания. Среди лучших в группе корнеплодов экспертная комиссия выделила лошицкую коллекцию картофеля для винокурения, за которую Евстафий получил бронзовую медаль, а пробы пшеницы из его имения (сорт Высоко-Литовская) получили оценку в 25 баллов из 30 [11, с. 38, 39]. В отделе плодоводства среди разнообразия сортов яблок экспертную комиссию удивил недостаток разновидностей ренетов, что объяснили недоста-

точной выносливостью сорта «в здешних климатических условиях». Но приятным исключением, как было отмечено, «явились экспонаты Е. И. Любанского из имения Лошица, представившего несколько разновидностей ренета, собранного с деревьев старых, которые, по заявлению владельца, от морозов у него не страдают» [11, с. 50]. Кроме этого, в отделе рогатого скота и молочного хозяйства Любанский получил бронзовую медаль «за тёлку № 52 голландской породы» [11, с. 73]. Бронзовой медалью был отмечен и его арденский жеребец, а за кобылицу Евстафию вручили похвальный лист [11, с. 81, 82]. Ядвиге экспертная комиссия присудила большую серебряную медаль за тепличные растения и пальмы [11, с. 55].

Этот сельскохозяйственный праздник завершился большим балом комитета выставки, который украсили красивые дамы в изысканных нарядах и на котором Ися, как всегда, самая элегантная, блистала в облегающем венском платье модного покроя «*princesse*» [8, с. 78].

Минск праздновал и развлекался, а ветер перемен уже собирал тучи и сотрясал общественные отношения России. Из-за падения цен на хлеб, главный экспортируемый ресурс страны, качество жизни российского населения ухудшалось, все социальные группы и классы пробуждались к активной деятельности. Век начинался бурно и нервно. Ися, неудовлетворённая собой, беспокойная и ранимая, испытывала интуитивную тревогу, говорила родным, что ей снятся страшные перевороты, кровавые беспорядки, революция; её не оставляло ощущение предстоящей катастрофы [8, с. 86].

Россияне, как утверждает Мария Чапская, «принципиально никогда не были приняты в польских домах» [10, с. 329]. Но сочувствующего полякам обаятельного минского губернатора Александра Александровича Мусина-Пушкина (Прил. 7, рис. 3), вступившего в должность в августе 1902 года, уважали, а некоторые его поступки даже вызвали восхищение у местного общества.

Благодаря его протекции граф Ежи Чапский весной 1903 года получил разрешение на строительство костёла в своём фольварочном хозяйстве Волчковичи. А полтора года спустя губернатор, несмотря на резкие протесты православного епископа Михаила, поддержал строительство в Минске костёла св. Сымона и Алены, предложенное Эдвардом Войниловичем. В письме к министру внутренних дел России граф А. А. Мусин-Пушкин отмечал, что не опасается «сооружения в городе нового католического храма, так как русское дело в крае

нисколько не пострадает от существования в Минске трёх костёлов вместо двух» [12, с. 26]. Польская общественность высоко оценила и то уважение к местным традициям, которое губернатор проявил во время похорон минского декана ксендза Пласковского [10, с. 229].

Граф Мусин-Пушкин стал частым гостем городских салонов, за что злые языки обвиняли его в использовании должности для достижения «тесного знакомства с местными магнатами и финансовыми воротилами, чтобы удовлетворять свою жажду пышных вечеров, шикарных обедов, пикников и охот» [13, с. 76]. Но предшествующая деятельность графа в должности главы Вологодской губернии, где сферой вложения его сил и энергии была благотворительность [14, с. 268], даёт основание не доверять этой неприглядной характеристике, доказывает наличие у него способности отзываться на человеческие страдания. В Минске предметом его особого внимания также стала благотворительность. За время службы в Вологде (1898–1900 гг.) граф был произведён в статские советники и пожалован званием камергера Высочайшего Двора, но на минской службе либерализм и деликатность, вызвавшие расположение и симпатию местного сообщества, стоили ему карьеры.

60–90-е годы XIX в. были периодом развития и становления сферы социальной помощи, которая стала предметом повышенного общественного внимания и широкого обсуждения, чему способствовали реформы Александра II. Губернаторам предписывалось лично проверять ведение дел благотворительных обществ. В начале же XX века в связи с усилением оппозиционной активности масс первое место в деятельности начальников губерний заняла борьба с рабочим движением, чего требовали циркуляры Министерства внутренних дел. И либеральные взгляды графа Мусина-Пушкина, ставшие причиной его пассивности в этой борьбе, вызвали неудовольствие властей. Положение усугубила драма жизненных обстоятельств.

Нетрудно догадаться, что тесное сотрудничество на почве благотворительности предопределило для Иси возникновение долгожданного чувства, а новый губернатор не мог не заметить эту необыкновенно яркую особу. И с некоторого момента граф стал появляться в Лошице ежедневно. Их отношения вскоре стали заметны, и причина столь частых визитов графа к Любанским ни у кого не вызвала сомнения. У Евстафия шансов наладить отношения с женой больше не оставалось, но и у Ядвиги счастья не прибавилось.

Ситуация была неординарной и драматичной, и не столько с точки зрения морали, сколько со стороны политических симпатий и национальных настроений местной аристократии и интеллигенции. Воспитанная в традициях католицизма и польского национализма, который выражался в ненависти ко всему русскому, замужняя шляхтянка имела несчастье полюбить высокопоставленного российского чиновника. Всё светское общество Минска жадно интересовалось этой связью. А Ядвига, оказавшись в клубке сложных противоречий, сломленная внутренней борьбой и обессиленная, зимой 1905 года серьёзно заболела. На почве мучительных переживаний у неё развилась тяжелейшая неврастения. Она стала нервной, раздражительной, не могла спать, худела, ходила шатаясь, её лицо осунулось, красота угасала. Временами она погружалась в глубокие обмороки, и врачи ничем не могли помочь. Она не хотела жить и постоянно об этом твердила [9, с. 292]. Наконец, события бурного 1905 года, принёсшего такие большие волнения, поставили точку и в отношениях графа с Исей, и в его карьере.

С началом русско-японской войны период процветания и безопасности в Европе закончился. Поражение в войне подорвало международный авторитет России и уверенность её граждан в состоятельности власти. После 9 января 1905 года по стране катились волны стачек и протестных манифестаций. В Минске та зима была очень беспокойной, а 18 февраля под лозунгом «Долой самодержавие!» в городе состоялась многотысячная демонстрация, в которой вместе с рабочими участвовали гимназисты старших классов.

«Популярный губернатор, – вспоминает Михал Павликовский, – смешался с толпой демонстрантов, стремясь таким образом объединить их и успокоить. День был теплый, поэтому своё пальто с красивой красной подкладкой он перекинул через плечо. Манифестанты под услужливым предлогом взяли у него пальто и повесили на палке красным цветом наружу» [15, с. 301]. Таким образом, форменное пальто высшего лица губернии послужило флагом революции. Разразился громкий скандал, губернатора потребовали в Петербург для объяснений, и к должности он уже не вернулся. 16 мая на его место был назначен генерал-лейтенант Павел Григорьевич Курлов.

Ися очень тяжело переживала эти неприятности, но весной ей стало немного лучше, она даже нашла в себе силы устроить в Лошице приём в честь архиепископа Ежи Шембека, который совершал визитацию католических приходов Северо-Западного края после издания

указа от 17 апреля 1905 года, вводившего ограниченную свободу вероисповедания. Семье её улучшившееся состояние внушило надежду на выздоровление, и родственниками было принято решение продолжить лечение в Швейцарии, в очаровательном городке Сент-Морице, где в начале лета Исю ожидали сестра София с дочерью. Но встреча не состоялась.

Накануне она снова погрузилась в обморок, который длился почти час. А в день смерти, 15 июня, вышла после завтрака в парк и не вернулась. Её нашли лежащей лицом вниз в мелкой, едва доходившей до колен, воде Свислочи, недалеко от берега. Когда достали тело, установили, что, падая, она ударилась головой об огромный камень, лежавший на дне реки. Произошедшее объявили самоубийством. Но Антоний Кеневич, брат Иси, причину её гибели объяснял обмороком, случившимся, когда она пыталась перейти по кладке на другой берег.

На следующий день в большой затемнённой гостиной на катафалке, окружённом канделябрами с горящими свечами, в белом гробу среди массы цветов лежала в светлом платье покойница. Белая вуаль закрывала её голову с ужасной раной на лбу. С трех стен гостиной смотрели три её великолепные изображения в рамках, написанные в разное время Людомиром Яновским. Истрадававшийся Евстафий, с опухшими глазами, сидел у себя в канцелярии и курил одну папиросу за другой, не будучи в состоянии выдать ни слова. Кроме родственников, администрации имения и прислуги, на похороны собрались толпы жителей Минска и всё окрестное соседство, с кем Евстафия и Исю связывали дружеские и приятельские отношения. Присутствовавшие едва сдерживали рыдания. У всех на глазах были слёзы [9, с. 293]. Появился и граф Мусин-Пушкин, которого Антоний Кеневич в своих мемуарах называет *wstrętna figura* (омерзительный тип). Он не надолго пережил Исю, два года спустя умер в Сан-Ремо от паралича сердца.

Многочисленные обитатели минских ночлежек и приютов, пришедшие проститься со своей благотельницей, образовали живой коридор по сторонам аллеи, ведущей к усадебному кладбищу с могилами администрации имения и дворной службы. Там, в маленькой каплице у въездной брамы, состоялось богослужение, и в подземелье, где была фамильная усыпальница владельцев имения, в свинцовом гробу, под крышкой со стеклянным окошком (как утверждали местные старожилы) упокоились останки Ядвиги. В письменном столе покойницы нашли короткую записку с последней её волей и денежное

пожертвование благотворительным учреждениям в Минске, которым она покровительствовала.

«В Польше, где все погибало от войн и вторжений, – пишет Жультовская, – не уцелело ни памятки о тете Исе. До войны 1939 года ещё сохранялись три ее портрета кисти Яновского, один у нас в Болтиницах и два в Варшаве у Кеневичей. На болтиницком портрете она была представлена в атласном бальном платье, с очаровательной улыбкой. На одном из портретов Кеневичей изображена совсем юной; другой портрет, где она в голубом платье, – загадочен и драматичен» [8, с. 128]. В память о ней перед ложицким особняком до недавнего времени шумел ветвями маньчжурский абрикос, посаженный, по преданию, безутешным супругом на месте гибели жены. Ныне и он закончил своё существование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Zienkiewicz T.* Polskie życie literackie w Mińsku: w XIX i na początku XX wieku, do roku 1921. Olsztyn : Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1997.
2. *Григорьев А. Д.* Очерки истории социальной работы на Беларуси. Минск : БГПУ им. М. Танка, 1998.
3. Минское благотворительное общество, 1811–1911 г. Минск: Электротипография И. Каплан, 1911.
4. Памятная книжка Минской губернии на 1889 год. Минск : Минская Губернская типография, 1888.
5. Памятная книжка Виленской губернии, изданная при канцелярии Виленского гражданского губернатора на 1888 год. Вильна : типография Губернского Правления, 1887.
6. Памятная книжка Минской губернии на 1902 год. Издание Минского Губернского Статистического Комитета. Минск : Паровая типолитография В. И. Соломонова, 1901.
7. Памятная книжка Минской губернии на 1904 год. Издание Минского Губернского Статистического Комитета. Минск : Паровая типолитография В. И. Соломонова, 1903.
8. *Żółtowska J.* Inne czasy, inni ludzie. Londyn : Polska fundacja kulturalna, 1998.
9. *Kieniewicz A.* Nad Prypecią, dawmo temu... Wspomnienia zamierchłej przeszłości. Przygotował do druku Stefan Kieniewicz. Wrocław. Warszawa. Kraków. Gdańsk. Łódź. Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo, 1989.

10. Czapska Maria. Europa w rodzinie. Warszawa : Res Publika, 1989.
11. Отчет Юбилейной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки, устроенной в 1901 году Минским обществом сельского хозяйства. Минск, 1902.
12. Святло Чырвонага Касцёла. Мінск : Рымска-Каталіцкая парафія Святога Сымона і Святой Алены. 2015.
13. Шыбека, З. В., Шыбека, С. Ф. Минск : Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада Мінск : Полымя, 1994.
14. Бригадин П. И., Лукашевич А. М. Минские губернаторы: история власти. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009.
15. Pawlikowski M. K. Minszczyzna // Pamietnik Wilenski, Londyn, 1972.